

на почтительномъ разстояніи, откуда и наблюдаютъ за дѣйствіемъ главныхъ лицъ. Между тѣмъ костеръ разгорается все ярче и ярче, свѣтъ сильнѣе борется съ тихимъ, холоднымъ мракомъ ночи. Монголы-стрѣлки застыли въ своихъ позахъ. Вниманіе всѣхъ напряжено до крайности. Среди общей тишины, голоса ламъ и звуки духовныхъ инструментовъ усиливаютъ впечатлѣніе. Наконецъ, колокольчикъ хамба-ламы смолкаетъ. Хамба-лама беретъ въ руки дорма, поднимаетъ его вверхъ и, обнеся нѣсколько разъ вокругъ головы, бросаетъ его подъ грохотъ ружейнаго залпа въ костеръ... Князь, а за нимъ и стрѣлки-монголы бѣгомъ, безъ оглядки, удираютъ въ хырму, вслѣдъ за исчезнувшими уже прочими монголами. Ламы бѣгутъ не такъ быстро и пробѣжавъ нѣсколько десятковъ шаговъ останавливаются, поворачиваются лицами къ костру съ горящимъ дорма, и вновь читаютъ молитвы; затѣмъ, слѣдуютъ безостановочно въ укрѣпленіе.

Въ сожженіи на кострѣ дорма и разсѣяніи невидимыхъ его остатковъ выстрѣлами изъ ружей, монголы склонны видѣть съ одной стороны—искупленіе грѣховъ минувшаго года, съ другой же—избавленіе отъ всѣхъ золь и напастей, которыя иначе могли бы явиться и тяготѣть надъ хошуномъ, въ наступившемъ году. Удаленныя отъ хошуна всевозможныя бѣдствія не должны возвратиться обратно въ хошунъ, подобно тому, какъ не оглядывался назадъ и самъ управитель его, когда убѣгалъ отъ костра въ хырму.

Что же касается до изображенія Будды, то это послѣднее хамба-лама передаетъ князю, который съ своей семьей съѣдаетъ его, какъ выраженіе благодарности старому году.

Въ іюль мѣсяцѣ, ежегодно, на избранныхъ давно уже мѣстахъ, въ каждомъ хошунѣ Цайдам'а, выставляются палатки и юрты для отправленія богослуженій. Со всего хошуна сюда съѣзжаются ламы, всѣ чиновники и толпы простыхъ монголовъ. Въ палаткѣ или юртѣ усаживаются по старшинству ламы и простые монголы — грамотные по тибетски и отправляютъ установленныя богослуженія. Среди ламъ не рѣдко можно встрѣтить какого-либо простого монгола или цзангина, еще наканунѣ одѣтаго въ обыкновенную широкую баранью шубу съ саблей за поясомъ или ружьемъ за плечами — теперь нарядившагося въ ламское платье. Послѣ богослуженія, тутъ же у палатки, какой-либо лама снимаетъ съ себя ламское одѣяніе, передаетъ его женѣ и дѣтямъ, а самъ набрасываетъ на себя прежнюю шубу, засовываетъ за поясъ саблю и отправляется въ ближайшія юрты пьянствовать.